

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

ФОРМЫ СКОТОВОДСТВА И БЫТ НАСЕЛЕНИЯ

В данном разделе мы попытаемся показать обусловленность отдельных элементов материальной культуры и быта армян формами ведения скотоводства.

Сейчас, когда мы говорим о кочевой форме скотоводства, то представляем и определенную культуру, выработанную в условиях кочевавших и отличающуюся большой устойчивостью и традиционностью форм. Это является результатом того, что хорошо изучены не только само кочевое скотоводство, но и выработанные под его непосредственным воздействием основные элементы материальной культуры и быта. Разумеется, все другие формы скотоводства (включая и полукочевую) не могли в такой степени повлиять на формирование культуры и быта населения (особенно если это традиционный земледельческий народ), но и они, несомненно, вызвали к жизни определенные, связанные только с практикуемой формой скотоводства элементы культуры и быта.

Изучение систем организации труда в различных частях Восточной Армении позволяет усматривать определенную связь между ними и практиковавшимися формами скотоводства.

Этнографические материалы показывают, что в районах оседлого скотоводства (Арагатская долина и некоторые высокогорные районы), где скот в течение круглого года находился при селении, сельские общества принимали общественных пастухов для выпаса различных видов скота, разделенного на отдельные стада по половозрастному принципу. Так, в с. Гечрлу (ныне Мргашат Октемберянского района) в 80-х гг. прошлого столетия было четыре общественных стада крупного и мелкого рогатого скота, для содержания которых нанимали по два пастуха на стадо. Плата пастухам распределялась между всеми хозяйствами общества пропорционально числу скота, принадлежавшего каждому из них. Жители села нанимали пастухов, как правило, на стороне, преимущественно из числа курдов и азербайджан-

цев, что было связано с ведением комплексного полеводческо-садоводческого хозяйства, вынуждавшего поручать скот посторонним лицам. Материалы, собранные в период полевых этнографических работ, подтверждают, что в этих районах повсеместно была распространена аналогичная форма пайма пастухов, что позволяет говорить о существовавшей сельскохозяйственного объединения для организации выпаса скота.

Несколько иные формы найма пастухов в сообществах мы находим при отгонном скотоводстве. Здесь пастухов нанимали как отдельные группы хозяйств, так и отдельные крупные скотовладельцы. Основным принципом, лежавшим в основе организации этих групп по выпасу скота, был территориальный принцип. Однако изучение их составов показало, что и другие факторы играли значительную роль при их организации.

В различных селениях Тавуша, Лори, Ваиоц-дзора и других, где издавна была выработана практика отгона скота на сезонные пастбища, засвидетельствованы сообщества, составленные из числа ближайших и дальних родственников. Члены таких сообществ селились на летовках и зимовниках вместе, занимая либо отдельную стоянку, либо часть ее. На это указывают также и названия ряда летовок, происходящие от фамилий тех скотовладельцев, которые ежегодно пригоняли скот на одну и ту же стоянку. Поэтому, если родственные связи не имели сравнительно большого значения при организации хозяйственной жизни в самом селении, то на сезонных пастбищах они играли еще видную роль. Из этого явствует, что практика отгона скота на сезонные пастбища и связанная с ней система организации труда в ряде районов объективно способствовала сохранению более архаичных форм организации хозяйственной жизни. Думается, именно в этом одна из причин живучести традиций азговых (родственных) отношений в

Практические формы скотоводства требовали известной специализации видов разводимых животных. При оседлом скотоводстве (как долинном, так и горном) разведение крупного рогатого скота получило большее развитие, нежели разведение мелкого, хотя в ряде местностей (горные части Ширака, Джанаха и др.) при вполне оседлом скотоводстве население и держало большое количество мелкого скота, что было возможно на горной плоскости, имея значительные запасы пастбищного корма. Наличие же летних пастбищ, расположенных на некотором удалении от основных поселений, и ведение отгонного скотоводства во многом способствовали развитию овцеводства, но не в ущерб разведению крупного рогатого скота. Материалы, приведенные в первой главе, определенно указывают на преимущественное разведение крупного рогатого скота как в зоне оседлого, так и в зоне отгонного скотоводства. Не случайно, что когда размеры пастбищных угодий по тем или иным причинам сокращались, то местное крестьянство сокращало прежде всего поголовье мелкого рогатого скота.⁵

Еще больше указывая зависимость наблюдалась при кочевом или полукочевом скотоводстве. В той же Араратской долине, у курдов и азербайджанцев из отраслей скотоводства на первом месте стояло овцеводство, что находит объяснение в практиковавшейся форме скотоводства и уровне развития производительных сил. Действительно, у последних мы встречаем неразвитую земледельческую культуру (а нередко и ее полное отсутствие), отсутствие практики заготовки значительного количества корма, вследствие чего скот нужно было выпасать всю зиму. Однако только овцы и лошади могут довольствоваться подножным кормом низменностей и степей, остальные же виды скота, и особенно крупный рогатый скот, нуждаются в подкармливании. Поэтому вполне естественно, что в этих условиях местное население должно было разводить преимущественно мелкий рогатый скот, перегонявшийся летом на самые отдаленные горные пастбища, поскольку плохо переносят жаркое лето низменностей и более всего пригоден как к дальним перегонам, так и к выпасу на самых гористых местностях. Кочевая форма скотоводства значительно сдерживала развитие крупного рогатого скотоводства, ибо, во-первых, отсутствие развитого земледельческого хозяйства не требовало содержания большого количества рабочего скота и, во-вторых, дальние перекочевки самым неблагоприятным

образом сказывались на состоянии крупного скота.

Целый ряд элементов материальной культуры также находит объяснение в соответствующих формах ведения скотоводческого хозяйства. Это касается поселений, комплексов хозяйственных и бытовых построек и сооружений как в самом селении, так и на сезонных пастбищах.

У армян Восточной Армении возможно выделение трех типов поселений. К первому типу относим поселения преимущественно лесной зоны (Тавуш, Лори, Сюник и др.), которые характеризовались наличием, наряду с основными поселениями, двух постоянных отселков для летнего и зимнего содержания скота. Это связано со сложившимся здесь своеобразным подтипом отгонного скотоводства, названном нами, ввиду большого хозяйственного значения здесь зимовников в годовом скотоводческом цикле, подтипом «дзимраноц». Ко второму типу относим поселения преимущественно предгорной безлесной зоны (Ширак, Гехаркуник, Ванноц-дзор и др.), которые также характеризовались наличием, наряду с основными поселениями, постоянных отселков, но только летних. Это связано с практиковавшимся здесь альпийским подтипом отгонной формы скотоводства, при котором скот отгоняли на дальние пастбища лишь летом, а в остальное время скот выпасали на присельских пастбищах или же содержали на стойле. И, наконец, к третьему типу относим поселения преимущественно равнинной и высокогорной зон (Араратская долина и некоторые высокогорные районы), не имеющие постоянных сезонных отселков, вследствие сложившейся здесь оседлой формы скотоводства.

Таким образом, отгонная форма скотоводства обусловила необходимость постоянных баз для летнего, а в некоторых местах и зимнего содержания скота. На летовках и зимовках типы построек варьировали в зависимости от местного материала и обычаев населения, но характерно, что повсюду они сооружались по типу тех жилых и хозяйственных помещений, которые были в местах основных поселений, что связано с выработавшейся у армян практикой использования одних и тех же стоянок для организации сезонного выпаса скота.

В ряде летовок, расположенных в районах с давно сложившейся практикой отгона скота на летние пастбища армяне, наряду со скотоводством, занимались также пчеловодством, обработкой шерсти, ткачеством, гончарством, а иногда и выращиванием кормовых трав, т. е. летовки становились дополнительной базой села. В случае же благоприятных природно-климатических и хозяйственных условий не исключено было превращение летовок в селение.

⁵ См. А. А. Калантар, Алагезские казенные летние пастбища..., стр. 106.

Так, целый ряд селений нынешнего Гукасянского района — Салут, Сарапат, Гетик, Дзоращен, Покр Сарпар и др. — образовались в 50—80-х гг. прошлого столетия на месте прежних летовок армян плоскостных сел Ширака. Часть жителей переселялась сюда из-за нехватки пахотных земель в районе основного поселения. Жители с. Сариар (ныне Мец Сариар Ахурянского района) в середине XIX в. имели летовку, расположенную в 10—12 км от села, куда в летние месяцы перегоняли дойный и яловый скот. Здесь были возведены комплексы жилых и хозяйственных построек.⁹ С течением времени часть разросшегося населения села (10 семейств) перешла на постоянное жительство на летовку. Поднявшись на эти высокогорные пастбища, расположенные в большинстве случаев на высоте 2000 м и выше над уровнем моря, крестьяне стали заниматься земледелием и оседлым скотоводством, поскольку сами селения находились в зоне субальпийских и альпийских лугов. Впоследствии селение это разрослось и получило название Покр Сарпар (т. е. Малый Сариар), в отличие от прежнего Сарпара, названного уже Мец (т. е. Большим) Сариаром, как бы сохраняя для истории указание на имевшее место переселение.¹⁰ Хозяйства, оставшиеся в селении, отгоняли скот на другую летовку, расположенную на некотором расстоянии от прежней, уже не принадлежавшей всему сельскому обществу.¹¹ То же наблюдалось при образовании селений Салут, Сарапат, Гетик и др.¹²

Следует обратить внимание на одно весьма важное с культурно-исторической точки зрения обстоятельство. Даже в этих высокогорных районах население продолжало заниматься в основном земледелием, что подтверждается многочисленными данными. Прежде всего, как показывают материалы, превращение летовок в селение имело место в тех случаях, когда пахотных земель в местах основных поселений становилось мало. Семьи, пере-

селившиеся на постоянное жительство в район летовок, получали более или менее значительные по своим размерам пахотные участки. Не случайно, что переселялись лишь на те летовки, где уже задолго до этого практиковали сев различных культур — зерновых, огородных, кормовых. Сравнение данных по разведению различных видов скота определенным образом показывает, что наибольшее хозяйственное значение имело разведение крупного рогатого скота, причем рабочий скот составлял 60—70 процентов всего его взрослого поголовья.¹³ И, наконец, то обстоятельство, что местное население почти полностью удовлетворяло свои потребности в продуктах зернового хозяйства на месте, говорит, несомненно, в пользу выдвинутого нами положения. Исследователи XIX в. приводят в своих работах многочисленные данные, свидетельствующие о преимущественном развитии полевого хозяйства у армян высокогорных областей Арагацотна, Ширака, Гехаркуника и др.¹⁴

Очевидно, превращение летовок в селения возможно лишь при довольно развитой культуре земледелия, обеспечивавшего людей продуктами сельского хозяйства, а скот — кормами. Кроме того, этому во многом способствовал характер самих летовок, которые фактически являлись дополнительными базами села с целым комплексом постоянных построек. Не случайно С. П. Зелинский и А. А. Калантар сравнивали летовки армян с настоящими селениями.¹⁵ Поэтому возможность превращения таких летовок в селения, при наличии благоприятных тому условий, объективно была создана самим характером летовок.

В предгорной лесной зоне, с развитой системой зимовников, мы наблюдаем почти аналогичный процесс. Только здесь в селения превращались и летовки, и зимовники. Насколько нам известно, на это обстоятельство впервые обратил внимание в 1880-х годах С. П. Зелинский, отметив, что в Сюнике места летнего и зимнего содержания скота в ряде случаев становились постоянными поселениями. Он писал: «Постепенно, сперва в каком-нибудь угол-

⁹ Собранные материалы подтверждаются документами, хранящимися в ЦГИА, см. ф. 130, оп. 1, д. 232; л. 6—7; ф. 130, оп. 1, д. 122, л. 1—2 и др.

¹⁰ В названиях армянских селений часто встречаются слова: «верхний», «нижний», «новый», «старый» «малый» и «большой» (как, например, Неркин и Верин Чамбарак, Нор Вашкенд и Нин Вашкенд в Краснопольском районе; Покр Сариар и Мец Сариар в Ахурянском районе; Верин Агдан и Неркин Агдан в Иджеванском районе и т. д.), которые в большинстве случаев свидетельствуют об имевшем место переселении населения из одного селения в другое.

¹¹ См. Ю. И. Мкртумян, Полевые материалы, папка № 8, стр. 117, АОЭ.

¹² См. там же, папка № 9, стр. 117, папка № 18, стр. 17—18.

¹³ См. А. А. Калантар, Состояние скотоводства на Кавказе, стр. 131; С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Зангезурском уезде..., стр. 71—116; А. В. Пареникин, Экон. быт гос. крестьян юго-западной части Ново-огазетского уезда..., стр. 336.

¹⁴ Там, см. также ч. 2. Բոլորից, Երկրագործական շահերը Հայաստանում, Եր., 1972.

¹⁵ См. С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Шорагале..., стр. 26; А. А. Калантар, Алагецские казенные летние пастбища..., стр. 98—99.

е лачи, или на свободном месте. представлявшем некоторые удобства для содержания скота, строят конюшни и держат там зимою или летом скот. Мало-помалу число конюшен увеличивается, и около них начинают устраивать конюшни для пастухов. Затем переходят туда на временное жительство, один — зимой, если местность удобна для зимней пастбы скота, другие — летом, если она представляет удобства для летней кочевки. Такие места называются бини. С увеличением хозяйственных построек, бини делается постоянным местом жительства и начинают носить какое-нибудь название, происходящее преимущественно от имени первого поселенца»¹⁶.

Этнографические материалы, собранные в различных частях Тавуша, Сюника, Лори и др., показывают, что в зимовниках, устраиваемых, как правило, на лесных полянах, сооружали помещения для людей и скота. Постоянное использование одних и тех же зимовников из года в год приводило к постепенному их расширению и превращению отдельных участков лесных полей в пашни и огороды. Наличие постоянных построек способствовало тому, что часть жителей переселялась сюда не только на зиму, но и в другое время года и наряду со скотоводством занималась здесь и огородничеством, выращиванием кормовых трав, различными ремеслами, связанными с обработкой дерева, шерсти и др., т. е. скотоводческая база села становилась в известной мере и его земледельческой базой. Передки были случаи, когда несколько семей переходило на постоянное жительство в зимовник, который таким образом превращался в селение.

Число семей, переселившихся первоначально на постоянное жительство в зимовник, варьировало в различных случаях от 4—5 до 10—12. Впоследствии население очень быстро увеличивалось за счет прихода новых семей, а также естественного прироста. Так случилось с одним из сел Иджеванского района. История его такая: жители с. Севкар имели в 20 км от села зимовник Крдеван, где, помимо скотоводства, занимались также и земледелием, ремеслами, пчеловодством и др. Отдельные семьи обзавелись таким большим хозяйством, что стал возможным их переход на постоянное жительство в зимовник. Это произошло в первой половине XIX в., когда сюда переселилось 10 семей из села Севкар. Уже в начале 80-х годов, по данным А. Д. Ерицова, в с. Крдеван (ныне Епокаван) проживало 41 семья.¹⁷

Селения Бювдал, Ехегнут, Дюратех (Лори), районный центр Алабеков и многие дру-

гие также возникли на базе прежних зимовников. Подобные факты настолько многочисленны в Тавуше, Лори, Сюнике, Арпахе и, частично, Вайоц-дзоре, что позволяют видеть в них одну из характерных особенностей армянской деревни второй половины XIX века. Поэтому эти материалы, выявленные при этнографическом изучении скотоводческого хозяйства армян, приобретают значение ценного исторического источника для исследования процесса становления поселений в прошлом.

В связи с рассмотрением вопросов, связанных с превращением зимовников в селения, остановимся на следующем положении, выдвинутом Э. Т. Карапетяна. Исследуя пережитки патронимических отношений у армян¹⁸, автор привлекает также данные о превращении зимовников в селения и, на наш взгляд, несколько неправомерно. Э. Т. Карапетян пишет: «Зимние пастбища — дзмераноц — также использовались азгом совместно. Доказательством того, что зимовки воспринимались крестьянами как собственность азга, является процесс превращения этих зимовок во многих обследованных нами селениях горных районов в азговые кварталы, которые со временем превращаются в квартал села и даже в отдельные села»¹⁹. К сожалению, в подтверждение этого положения автор не приводит ни одного примера. Данные о превращении нескольких десятков зимовников в селения, собранные нами в Сюнике, Тавуше, Лори и других, не дают ни одного примера, свидетельствующего о превращении зимовников в азговьи кварталы. При образовании таких селений, как Епокаван, Бювдал, Дюратех, Ехегнут и других на постоянное жительство переселялись отдельные семьи из различных азгов. Когда мы изучаем материалы, характеризующие особенности организации содержания различных видов скота на сезонных пастбищах, то определенным образом выявляются некоторые остаточные формы азговой общности, тем самым создаются благоприятные условия для их исследования. На летовках и зимовниках родственные группы селились компактно, занимая либо отдельные стоянки, либо часть их, что, в известной степени, определялось характером организуемых сообществ по выпасу скота. Однако как только зимовник или летовка превращалась в селение, мы видим совершенно иную картину. На постоянное жительство переселялись не группы родственных семей или отдельные родственные группы, как утверждает Э. Т. Карапетян, а лишь отдельные семьи из различ-

¹⁶ С. П. Зелинский, Экон. быт гос. крестьян в Закавказском уезде, стр. 17.

¹⁷ См. А. Д. Ерицов, указ. раб. стр. 301.

¹⁸ См. Э. Т. Карапетян, Пережитки патронимических отношений у армян, стр. 5.

¹⁹ Там же.

ных азгов, а остальные члены их, прежде пользовавшиеся данным зимовником, для зимнего содержания своего скота использовали другие зимовники. Поэтому, если материалы о формах пользования летовками и зимовниками, о формах организации выпаса скота на сезонных пастбищах совершенно справедливо могут быть привлечены при изучении пережитков патронимических отношений у армян в прошлом, то материалы о процессе превращения зимовников в селения в этом аспекте рассматриваться не могут.

Различные способы ведения скотоводства оказали влияние и на утварь молочного хозяйства. Наличие в Армении основных видов сырья—глины, камня, дерева и металла,—уже с древнейших времен способствовало значительному развитию ремесленного производства. В различных частях Армении развивалась именно та отрасль, для которой имелось необходимое сырье. Однако, независимо от этого, наблюдается связь утвари молочного хозяйства с практиковавшейся формой скотоводства. Так, в районах оседлого скотоводства почти вся утварь молочного хозяйства была из глины. Здесь издавна выработана высокая техника изготовления глиняных изделий всевозможных размеров и назначения, что подтверждается также многочисленными находками керамики в различных частях Армении. В районах же отгонного скотоводства гораздо шире использовалась деревянная, металлическая и кожаная посуда. Там же, где отсутствовал древесный или иной материал для изготовления соответствующей посуды, она приобреталась на стороне. На сезонные стоянки избегали возить глиняную посуду—как легко бьющуюся и громоздкую. И не случайно, что у вполне кочевых обществ использование глиняной утвари было доведено до минимума, поскольку в условиях кочевания она была явно ненадежной. Таким образом, сравнительное изучение утвари молочного хозяйства в районах бытования различных форм скотоводства позволит выявить некоторые характерные особенности материальной культуры армян рассматриваемого периода.

Формы скотоводства оказывали определенное влияние и на семейный быт. Этнографические материалы показывают, что в тех районах, где практиковалась отгонная система содержания скота, объективно создавались реальные предпосылки для сохранения больших семей, что вытекало из самого характера хозяйства армян, представлявшего собой симбиоз земледелия со скотоводством. На это обратил внимание Х. А. Ерицян: «Часть семьи оставалась в селении. (Стало быть, отпочковки предполагали наличие многосемейности)»²⁰.

²⁰ Х. А. Ерицян, указ. раб., стр. 296.

Так, в ряде селений Тавуша, Сюника, Лори, Вапоц-дзора и других при выпасе скота на сезонных пастбищах один из членов семьи пахотился при стаде. А. Д. Ерицов отмечал, что в тавушском селении Кульпы (Кохп) из трех сыновей крестьянина Саака Джагинова один «предан скотоводству и редко бывает дома: летом он на эйлаге, в остальное же время в зимовнике»²¹. Н. Григоров в описании быта жителей с. Татев также отмечал, что «если в семье есть несколько братьев, то один из них... с женой и детьми отправляется на кочевье, где проводят все лето»²².

В ряде селений Вапоц-дзора (Ехегис, Мартирос, Гидеваз и др.), жители которых практиковали отгон скота на сезонные пастбища, в конце XIX в. еще сохранялась такая практика раздела гердастана (большой семьи), при которой семьи двух братьев совместно поселялись для ведения комплексного хозяйства. Уход за скотом и ведение молочного хозяйства возлагались на одного брата и его семью, а ведение полевых сельскохозяйственных работ—на второго брата и его семью²³.

Аналогичные факты в районах оседлого скотоводства, где система содержания скота делала возможным ведение всего хозяйства силами одной малой семьи, нами не зафиксированы.

В ряде мест с отгонной формой скотоводства, как, например, в Шираке, аналогичная практика раздела большой семьи также не получила большого распространения. Но именно здесь достиг совершенства институт «кисови», к которому прибегали не только маломощные хозяйства, но и малочисленные по своему составу семьи. Последние не могли посылать отдельных своих членов на летовку, так как они были заняты на полевых сельскохозяйственных работах.

Этнографами отмечено, что традиции семейной общины были сильны преимущественно в горных и предгорных районах²⁴. Это объясняют обычно большей архаичностью всего хозяйства в указанных районах. Однако следует добавить, что значительную роль в сохранности традиций семейной общины сыграла практика отгона скота на сезонные отселки, предполагавшая переселение части семьи. Одновременное ведение сельскохозяйственного хозяйства в сочетании с отгонной формой скотоводства могло иметь место лишь при наличии мно-

²¹ А. Д. Ерицов, указ. раб., стр. 63.

²² Н. Григоров, указ. раб., стр. 87.

²³ Ср. с данными Р. Л. Харадзе, Грузинская семейная община, I, Тбилиси, 1960, стр. 39–41.

²⁴ См. Э. Т. Карапетян, Армянская семейная община, стр. 131.

тоталитарной семье, при феодально-патриархальном существовании это было не обязательно. Думается, именно в этом следует искать причину своеобразного разлада большой семьи, при котором для ведения комплексного хозяйства совместно проживали семьи двух братьев, что мы наблюдали в армянских селениях Ванш-дзора. Отсюда вытекает необходимость учета особенностей хозяйства при изучении больших семей. Исследования Р. Л. Харадзе показали, что виды семейных общин в Грузии варьировали в зависимости от занятий населения.²⁶ Р. Л. Харадзе выделяла следующие основные виды грузинской семейной общины: с преимущественно земледельческим хозяйством, с преимущественно скотоводческим хозяйством; с симбиозным хозяйством. Автор убедительно показывает, что отгонная форма скотоводства объективно способствовала сохранности больших семей.²⁶

В своеобразных условиях отгонного скотоводства было меньше оснований для припущения роли женщины. В историко-этнографической литературе²⁷ давно было указано на высокое положение старшей в семье женщины (тантукни), ведавшей всеми домашними делами и пользовавшейся большим авторитетом среди всех остальных членов семьи. Хотя в армянской семье было безраздельное господство главы семьи, тем не менее сильны были и

пережитки матриархата, нашедшие отражение в свадебных и других обычаях.

В рассматриваемое время как в самом селении, так и на летовке ведение молочного хозяйства было возложено на тантукни. Значительная роль молочного хозяйства в экономике армян при отгонном скотоводстве и руководящая роль женского труда в нем повышали роль женщины в семье, права и обязанности которой определялись, как правило, экономическим значением ее труда. С этой точки зрения, большой интерес представляет сравнительное изучение семейной общины и положения женщины при ведении различных форм скотоводства, что позволит выявить новые дополнительные материалы для всестороннего изучения семьи и семейных отношений у армян во второй половине прошлого столетия.

Высокое положение женщины в условиях развитого молочного хозяйства было отмечено и у ряда этнографических групп грузинского народа.²⁸

Приведенные материалы выявляют генетические связи многих элементов материальной культуры, производственного и семейного быта армян с различными способами ведения скотоводческого хозяйства, что, несомненно, указывает на большую значимость их учета при объяснении первых. Дальнейшее исследование всего комплекса вопросов, связанных с выявлением роли форм скотоводства в сложении тех или иных сторон быта, позволит глубже изучить многие этнографические аспекты жизни армянского народа.

²⁶ См. Р. Л. Харадзе, указ. раб., т. 1, стр. 152, 154, 190; В. М. Шахматов, указ. раб., стр. 27.

²⁶ См. Р. Л. Харадзе, Грузинская семейная община, т. II, Тбилиси, 1960—1961.

²⁷ См. там же, т. I, стр. 41 и сл.

²⁸ См. Н. П. Надеждин, Кавказский край, Тута, 1895, стр. 142; Г. Ф. Чурин, Армяне Закавказья, Тифлис, 1931, стр. 242—243 и др.

ՅՈՒ. Ի. ՄԿՐՏՈՒՄՅԱՆ

ԱՆՍԱՆԱՊԱՀՈՒԹՅԱՆ ՁԵՎԵՐՆ ԱՐԵՎԵԼՅԱՆ ՀԱՅԱՍՏԱՆՈՒՄ

(XIX դարի երկրորդ կես—XX դարի սկիզբ)

Ա մ փ ո լ ի ո լ մ

Պատմա-ազգագրական այս հետազոտությունը նվիրված է հայերի անասնապահության ձևերի ուսումնասիրմանը՝ XIX դարի երկրորդ կեսից մինչև XX դարի սկզբներին ընկած ժամանակաշրջանից, որով, ազգագրորդելով ինչպես տարրեր պատմական գործընթացների, այնպես էլ մեր հարևան ժողովուրդների համեմատական նյութեր:

Երկրագործությանը զուգահեռ, անասնապահությունը նույնպես եղել է հայերի հնագույն գրավոր և անգրավոր մեկը, որի մասին են վկայում

հնագիտական, վիճագրական, պատմագրական, բանահյուսական և ազգագրական բազմաթիվ նյութեր: Հայկական լեռնաշխարհի ընդհանուր առմամբ նպաստել են անասնապահության զարգացմանը և նրա պարավոր պատմության ընթացքում ստեղծվել են անասնապահության ավանդական եղանակներ ու ուղիատանքի կազմակերպման ձևեր, գոնավան սովորույթներ ու ծեսեր, որոնց ուսումնասիրումը կույտուր-պատմական տեսանկյունից զգալի հետաքրքրություն է ներկայացնում: